

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 2011 г.

С.Ю. Гуцалов, Д.В. Марыксин

ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА (К вопросу о связях древних кочевников Южного Приуралья с населением Центральной Азии)

В статье публикуются материалы раскопок погребений кочевников с территории Западного Казахстана, относящихся к концу III – II в. до н.э. Анализ погребального обряда и сопутствующих вещей, среди которых были весьма редкие находки, в том числе, вероятно, китайского происхождения, позволяют говорить о миграции кочевников в рассматриваемое время с территории Центральной Азии в степи Южного Приуралья.

Ключевые слова: Западный Казахстан, Донгулюк, Володарка, Китай, номады, поясные пряжки, пехотный меч, фалары, миграция, Центральная Азия.

В российской археологии в 30–40-х годах XX в. на долгое время утвердились взгляды, согласно которым многие археологические культуры, отражающие исторические реалии, были автохтонного происхождения. Отдельные реликты этой парадигмы сохраняются и по сей день. Однако все более увеличивающийся объем данных, получаемый в ходе археологических раскопок, порой указывает на наличие в скифо-сарматскую эпоху самых неожиданных и отдаленных связей кочевников Восточной Европы с окружающим миром.

Одним из ключевых моментов истории народов восточной части Евразии был период рубежа III–II вв. до н.э., когда происходило становление китайской династии Хань, с одной стороны, и хуннской кочевой державы – с другой. Борьба этих крупнейших политических образований друг с другом за гегемонию в Центральной Азии привела к массовым миграциям номадов оттуда в западном и юго-западном направлениях, в пределы Казахстана, Средней Азии и Восточной Европы¹. Об археологических свидетельствах этих событий и пойдет речь в данной публикации.

В конце 70-х – начале 80-х годов XX в. экспедицией Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина под руководством Г.А. Кушаева в Западной Казахстане был исследован ряд интереснейших погребальных памятников, относящихся к указанному времени, – погребение 4 кургана 8 могильника Донгулюк II и курган 4 могильника Володарка.

Гуцалов Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Орского гуманитарно-технологического института.

Марыксин Денис Валерьевич – старший научный сотрудник Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии.

¹ Скрипкин 2000, 30.

Первый из интересующих нас объектов располагался на правом берегу р. Урал в 1,5–2 км юго-восточнее пос. Донголек² в Чапаевском районе Уральской области³. Курган 8 – самый крупный во второй группе, состоящей из трех курганов⁴. Он был сложен из земли и имел полусферическую в профиль насыпь с едва заметным уплощением на вершине. Диаметр кургана по оси север–юг 33 м и запад–восток – 36 метров. Высота – 1,6 м. По периметру насыпи прослеживался ровик с перемычками, шириной 5–6 м.

В кургане обнаружено четыре погребения: одно из них (№ 1), отнесенное к новому времени, – впускное, остальные, более древние, располагались в грунтовых ямах, прорытых в материке. Погребения 3 и 5 были нарушены⁵. Возможно, что именно из них были выброшены следующие предметы: большое количество спекшихся трехлопастных мелких размеров железных наконечников, пара железных двусоставных кольчатых удил, обломки круглых в сечении с плоскими окончаниями «псалий»; обломки панцирных пластин квадратной формы, сваленных в кучу. Все эти вещи обнаружены в насыпи в 2 м на восток и в 5 м на юг от 0. К югу от этого скопления предметов найдены обломок тазовой кости и голени человека.

Судя по сопровождающему инвентарю, древнейшим являлось погребение 4, находившееся в центре кургана. Вокруг него на погребенной почве в 5–8 м к северо-востоку, юго-востоку, юго-западу и северо-западу обнаружены кости животных, представленные ребрами, позвонками и обломками трубчатых костей крупных животных, остатки кострищ (зола, угольки) и фрагменты лепных сосудов. Эти жертвенные места располагались в неглубоких (от 0,4 до 0,65 м в материк) ямах овальной формы, как бы окружая центральную могилу. Дно отдельных ямок было прокалено. Можно предполагать, что эти ямки являются ровиками, окружавшими древнейший курган, достигавшего в диаметре, скорее всего, 10–14 м.

На юго-восточной периферии кургана за пределами жертвенной ямы обнаружены остатки истлевшего дерева и камыша.

Погребение 4 (основное ?) располагалось в 3 м на север и в 5 м на восток от 0. На уровне материка яма имела форму удлиненного прямоугольника с закругленными углами, ориентированного с севера–северо-запада на юг–юго-запад⁶. Длина его 2,75 м, ширина 1,45 м. Засыпной грунт – однородный гумус.

На глубине 1,3 м от уровня древней поверхности, вдоль стенок шли уступы шириной 20–25 см, вследствие чего яма сузилась до 0,9 м. На заплечиках были положены шесть конских черепов, вытянутых в один ряд, от северного до южного конца ямы. При этом черепа образовали дугу, обращенную выпуклой частью на восток. Из шести черепов четыре были обращены носовой частью к северу. Пятый череп в середине цепочки был обращен носовой частью на юг, а самый крайний с юга был обращен носом на север (рис. 1). У всех черепов отсутствовали нижние челюсти. При учете их размеров предположительно можно говорить, что два черепа принадлежали молодым особям, а остальные, более крупные – взрослым.

² Следует сказать, что в отчете Г.А. Кушаева существует разнобой в названиях могильника и расположенного рядом с ним населенного пункта.

³ См: Кушаев 1978. К сожалению, отчеты Г.А. Кушаева отличаются неполнотой иллюстративного материала и путаностью текста, что весьма сложно преодолеть при публикации материалов его раскопок.

⁴ Данная группа состояла из трех больших, «царского» типа, курганов – № 6–8. Подобная нумерация связана с тем, что автор раскопок дал общую нумерацию курганов по ходу раскопок, т.е. в 1-й группе 1, 2, 3, 5 (4-й, видимо, не раскапывался), а во второй – 6, 7, 8.

⁵ Трудно объяснить подобную нумерацию погребений Г.А. Кушаевым. Возможно, что она давалась по количеству предполагаемых могильных пятен, некоторые из которых, как потом выяснилось, захоронениями не являлись.

⁶ В тексте отчета ориентировка ямы указана на северо-запад–юго-восток, однако на фотографии на разных уровнях раскопа могилы яма ориентирована именно с севера–северо-запада на юг–юго-восток.

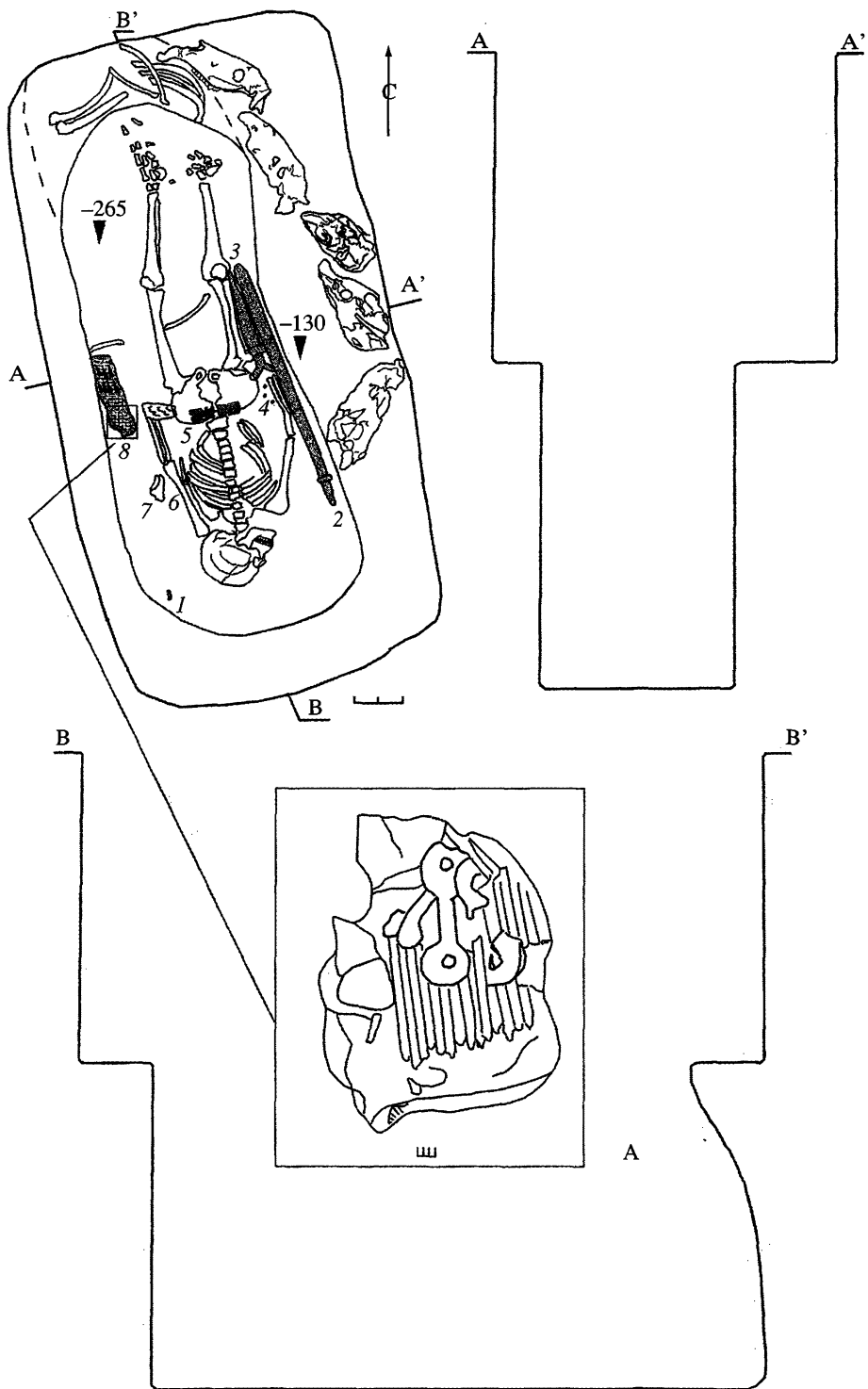

Рис. 1. Могильник Донгулюк II, курган 8, погребение 4. План и разрез

На глубине 2,65 м в яме был обнаружен скелет человека⁷, который лежал на спине вытянуто, головой на юг-юго-восток. Череп раздавлен и развернут. Возможно, первоначально он лежал лицевой частью вверх. Ноги вытянуты. Руки лежали вдоль туловища и немного раскинуты в стороны (рис. 1). В могильной яме при скелете обнаружен следующий сопровождающий инвентарь:

1. В южном углу ямы у восточной стенки – черного цвета камень-«оберег»⁸ (?) (рис. 2, 5), длиной до 4 см шириной 1,3 см и толщиной до 0,8 м.

2. Справа, вдоль скелета, от уровня плеча правой руки до колена правой же ноги, лежал железный обоюдоострый меч (рис. 2, 1) длиной 0,96 м. Длина рукояти 17 см, лезвия 78 см, толщина перекрестия 1 см, ширина лезвия у перекрестия 4,5 см, и жала-конца 2,4 см. Перекрестие прямое, едва заметное. Лезвие в сечении линзовидное.

3. Между мечом и бедром правой ноги скелета человека лежал массивный железный кинжал (рис. 2, 2). Он имел серповидное навершие, круглое в сечении, утолщающееся к концам. Рукоять кинжала длиной 9,2 см, плоская с рифлеными спиралевидными выступами. Перекрестие длиной 8,6 см, брусковидное, прямое, шириной 1 см. Лезвие длиной 29,5 см, ширина у перекрестия 6 см, в сечении ромбовидное. На одной стороне лезвия сохранились остатки спекшейся ткани квадратного плетения от обкладки ножен. Общая длина кинжала 40,5 см.

4. Между лучевыми костями правой руки и тазовой костью обнаружены три бусины (рис. 2, 6–7). Одна плоская, каменная, глазчатая, беловато-серого цвета, две другие нефритовые, бледно-василькового цвета, круглые. Одна с гладкой шлифованной поверхностью диаметром 1,4 см, высотой 1 см со сквозным одностороннего сверления отверстием; вторая аналогичных размеров, ее поверхность также шлифованная и рифленая на восемь долек. В середине – сквозное отверстие.

5. На тазовых костях скелета обнаружены две бронзовые массивные ажурные пряжки от поясного ремня. Они представляют собой прямоугольной формы рамки, на одной из которых имеется выступ-застежка. Длина блях 9,4 см, а ширина 4,2 см – каждая. Во внутренней плоскости ажурных рамок имеются изображения фантастического животного – крылатого дракона (рис. 2, 3–4; 3, 1–2). Реалистично переданы объемные тела животных с массивными крыльями и короткими лапами и их вытянутые, загнутые к туловищу, головы на мускулистых шеях. Насечками показаны детали складок у глаз и переносья, а также чешуистость шеи.

6. Слева от скелета у основания его грудной клетки найден оселок, изготовленный из мелкозернистого песчаника, круглой конусно-цилиндрической формы с утолщением и отверстием для подвески на одном конце и утонченным нижним концом (рис. 2, 12). Длина предмета 11 см, диаметр в верхнем конце 1,8 см, в нижнем 0,8 см.

7. У локтевого сустава левой руки лежал спекшийся кусок железа длиной 11 см с небольшими закруглениями на концах (рис. 1А).

8. Между кистью левой руки и западной стенкой ямы обнаружены остатки колчана с семью бронзовыми трехлопастными наконечниками стрел со скрытой втулкой размерами от 2,5 до 3 см и более чем 10 железных черешковых и втульчатых наконечников стрел (рис. 2, 8). В верхнем конце колчана, т.е. у его устья обнаружен железный крючок (рис. 2, 9) от него и одна, изготовленная из сплава цветного металла (сероватого цвета) втулка-стамеска для выпрямления древка стрел (рис. 2, 10). Втулка-стамеска имеет на одном конце резец, составляющий 1/2 диаметра цилиндра ($d = 1$ см), и скошенный к рабочему краю (длина режущей части 2 см). За резцом идет втулка с внутренним диаметром 0,8 см и длиной 2,5 см, предназначенная для выправления и сглаживания древка будущей стрелы.

Между тазом и левой рукой лежал неопределенного назначения кусок истлевшего дерева.

⁷ Вскрытие могил в данном кургане было осложнено тем, что с глубины 1,3–1,4 м в ямах начался выход грунтовых вод, в виду чего проводилось сооружение дренажных устройств для откачки воды, а при снятии находки «запечатывались» гипсом.

⁸ Нумерация находок в тексте соответствует нумерации на плане погребения.

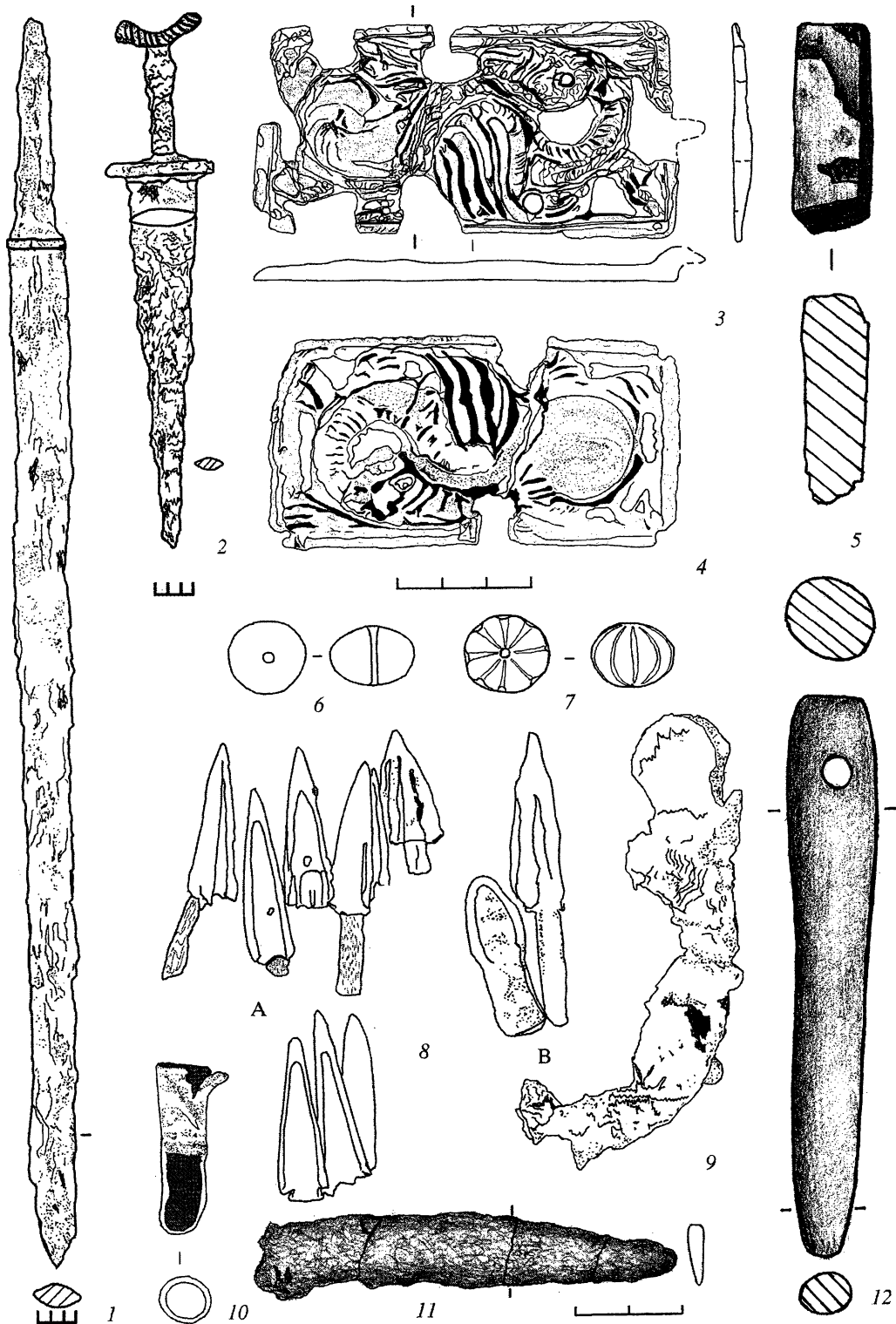

Рис. 2. Могильник Донгуль II курган 8, погребение 4. Инвентарь: 1, 2, 9, 11 – железо; 3, 4, 10 – бронза; 5, 12 – камень; 6, 7 – стекло; 8 – бронза и железо

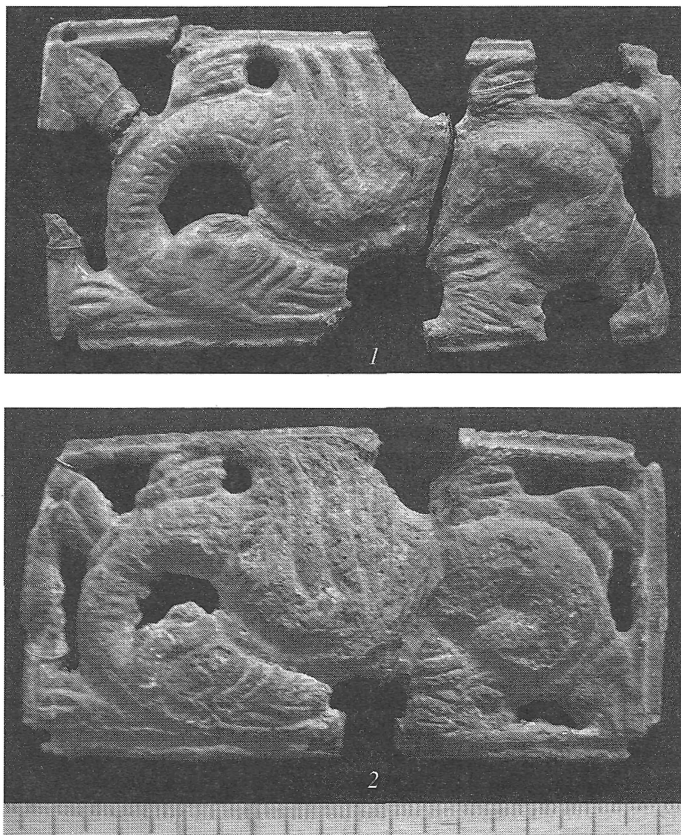

Рис. 3. Могильник Донгулюк II, курган 8, погребение 4. Бронзовые пряжки (фото)

В северном конце ямы в нише, углубленной в короткую стенку, лежали семь ребер лошади (?), на одном из которых сохранился маленький, длиной до 3 см обломок железного ножа с притупленной спинкой.

Другой интереснейший погребальный комплекс был обнаружен при раскопках могильника Володарка I к северо-востоку от излучины р. Урал. Данный некрополь состоял из восьми земляных курганов, находящихся в трех километрах севернее с. Володарка за лесополосой у дороги «Уральск–Дарьинск»⁹. Курганы были вытянуты в цепочку с востока на запад на расстоянии 1,3 км. В 1981 г. здесь было раскопано три кургана, в том числе курган 4.

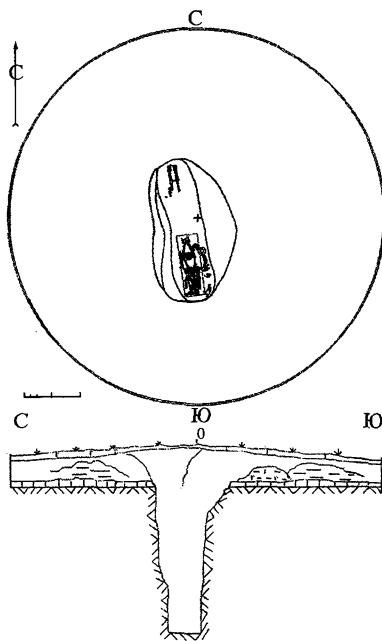
Курган 4 имел земляную насыпь диаметром 50–52 м и высотой 1,3 м¹⁰. Вершина слегка уплощена. На южной периферии кургана на глубине 0,2 м была обнаружена выкладка из сырцовых кирпичей размером 25 × 15 × 10 см. Длина выкладки 1,2 м, ширина до 1 м, она была ориентирована с северо-востока на юго-запад. При их расчистке под ними оказался прокаленный грунт, доходивший до глубины 0,6 м, ниже каких-либо признаков кладки и следов огня не обнаружено. Выкладку из кирпичей можно предположительно отнести к позднесредневековому времени.

Могильная яма выявлена по центру кургана на уровне погребенной почвы. Заполнение ее (гумус) четко наблюдалось на фоне светлого беловато-желтого материкового грунта –

⁹ При подготовке публикации использовались отдельные рисунки вещей, сделанные в Уральском историко-краеведческом областном музее, а также фотографии из отчета Г.А. Кушаева о раскопках в 1981 г.

¹⁰ Диаметр раскопа этого кургана намного меньше диаметра собственно кургана.

Рис. 4. Могильник Володарка I, курган 4. План и разрез

лесса с большим содержанием песка. Над ямой, в срезе контрольной бровки выявился перекоп шириной в 8 м, опускающийся воронкой к могильному пятну – свидетельство того, что могила была потревожена в древности (рис. 4). Могила, ориентированная по линии север–юг, сверху имела длину 5,6 м, ширину 4,8 м.

При расчистке заполнения ямы на глубине 0,1 м от уровня древней поверхности у восточного края ямы обнаружен один фрагмент тулова сероглиняного сосуда. На глубине 4 м от древней поверхности – дно могильной ямы. Длина ямы на этом уровне составляла 5,8 м, а ширина 1 м. Здесь в северном конце могильной ямы обнаружены лежавшие в *in situ* кости стопы, голени и бедренные кости человеческого скелета (рис. 5). У левой сохранившейся части ног лежали фаланги кисти левой руки, и южнее их два обломка лучевых костей этой руки. В 15 см западнее костей левой руки, т.е. левее, лежал небольшой сильно разложившийся обломок железного предмета. Исходя из положения костей, можно предположить, что погребенный первоначально был ориентирован головой на юг.

Южная половина могильной ямы оказалась пробитой перекопом, в котором располагалось нижнее погребение. Глубина его 5,3 м от уровня погребенной почвы. Здесь находилось погребение мужчины старческого возраста (на черепе было невозможно проследить швы), положенного головой на юг, вытянуто на спине. Руки вытянуты вдоль туловища. Левая нога слегка согнута в колене, а правая едва согнута в коленном суставе. Погребенный лежал на плотно утрамбованном дне ямы, обложенный тонкой деревянной рамой (обнаружены были остатки в виде коричневого цвета тлена на фоне серого сырого песка) шириной 0,85 м, длиной 2,1 м (рис. 5). Справа от скелета в юго-восточном углу ямы лежали два ребра, тазовая кость крупного животного (лошадь?) и лопатка овцы. Севернее этих костей справа же находился один позвонок (лошадь?), а еще севернее второй позвонок и кость овцы, еще севернее, на уровне правого бедра – два ребра крупного животного.

При расчистке ямы и скелета обнаружен многочисленный инвентарь:

1. Вплотную с ребрами крупного животного стоял глиняный сосуд¹¹ – лепной с большим шаровидным туловом, низкой горловиной с отогнутым венчиком, небольшим плоским дном, петлевидной ручкой по плечу, у основания горловины канелюра и опускающиеся вниз лучи (рис. 6, 3). Высота сосуда 30 см, диаметр венчика 13 см, диаметр горловины 11 см, диаметр тулова 30,5 см, диаметр дна 15,5 см. Внешняя поверхность тщательно заглажена до легкого лощения, тесто в изломе серого цвета.

2. На правой руке у запястья обнаружен золотой браслет в виде спирали в пять оборотов, изготовленный из круглой в сечении золотой проволоки; концы браслета утолщены, стилизованы в виде тупых головок (рис. 6, 2).

3. Справа у костей таза под кистью руки лежал точильный камень серого цвета в виде круглого в сечении стерженька, с отверстием на одном конце (рис. 6, 4). Длина камня 13,2 см, диаметр в сечении 1,7 см.

4. Под кистью правой руки лежал железный кинжал с серповидным навершием, прямым перекрестием и небольшим клинком (рис. 6, 5). Длина кинжала 29,5 см, рукоятки 7,5 см, клинка 20 см. На клинке с одной стороны сохранился небольшой кусок дерева от ножен.

¹¹ Прорисовка вещей данного комплекса выполнена Н. Бойко.

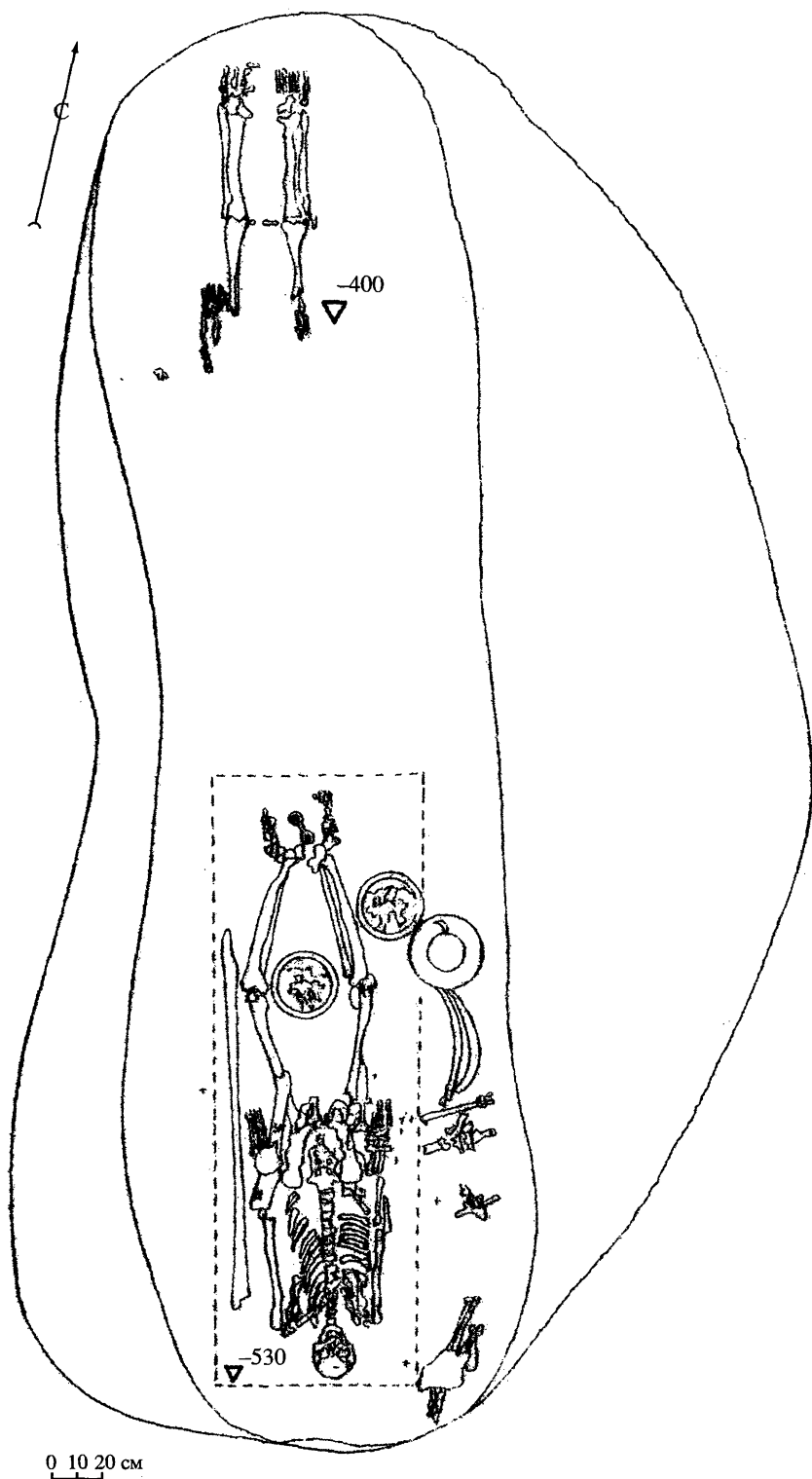

Рис. 5. Могильник Володарка I, курган 4. Погребение: план и разрез

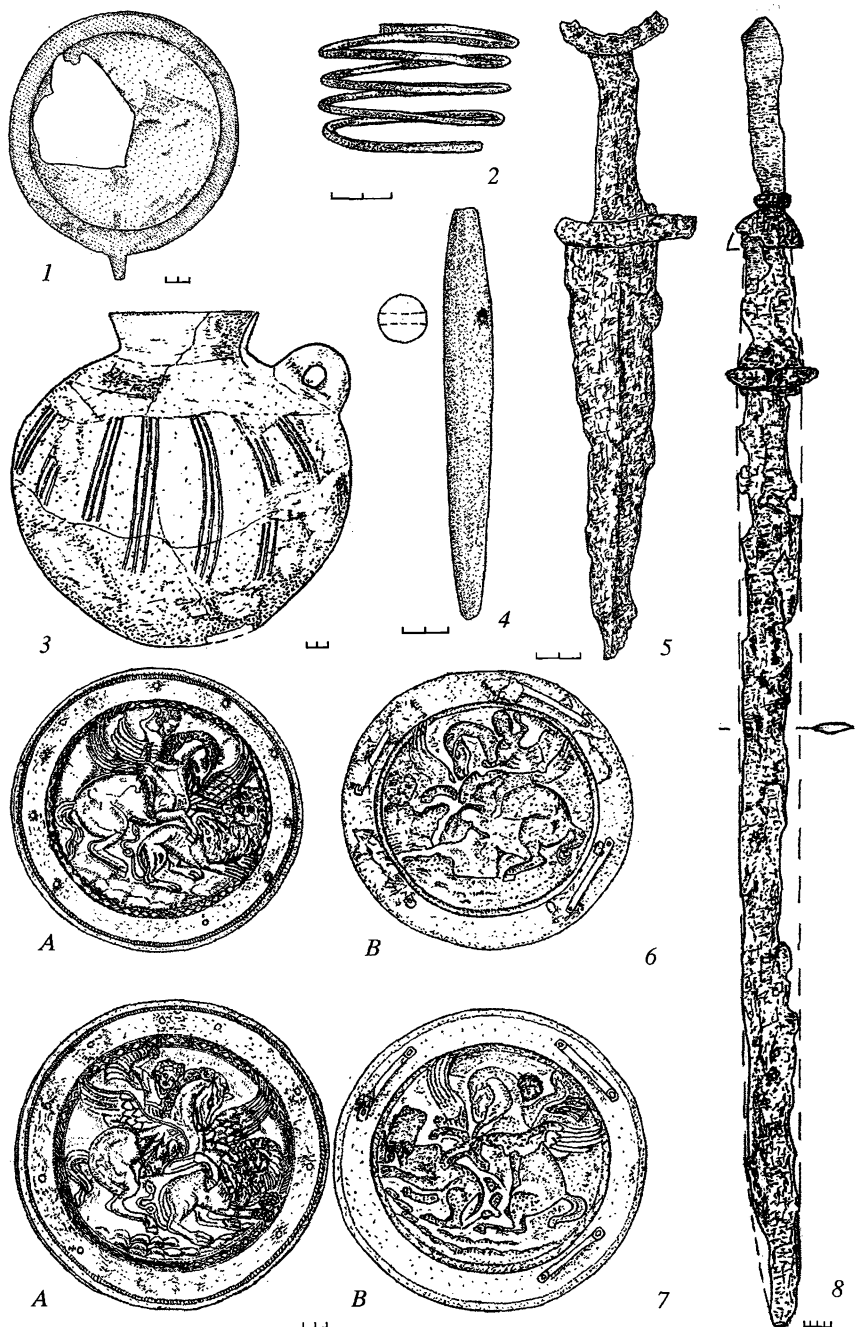

Рис. 6. Могильник Володарка I, курган 4. Инвентарь: 1 – бронза; 2, 6, 7 – серебро; 3 – глина; 4 – камень; 5, 8 – железо

5. Слева от скелета, начиная, от середины плечевой кости до коленного сустава, лежал железный меч длиной 109 см, с прямым перекрестием и без навершия (рис. 6, 8).

6. На костях левой руки и верхней части бедра лежал плохо сохранившийся колчан в виде истлевшего дерева, укрепленный по краям железными полосами. Ширина колчана до 20 см. Длина несохранившегося древка 0,6 м. В колчане оказался набор железных трехло-

пастных наконечников с удлинённой выступающей втулкой. Длина головки 1,5 см, длина втулки 3 см. В колчане оказалось более ста наконечников стрел.

7. На колчане, положенном на тазовые кости, сверху лежало бронзовое зеркало, в форме диска, диаметром 11,2 см, с валиком по краю на тыльной стороне и боковой ручкой-штырем (рис. 6, 1). Ширина валика 1 см, длина ручки 1 см. В середине диска дыра – часть его выломана.

8. В ногах скелета между стопами лежали два обломка железных колец (пряжки?).

9. Между костями правой и левой ноги на уровне коленных суставов найден лежавший на дне могильной ямы серебряный фалар в форме круглого диска диаметром 24,5 см с изображением в середине диска.

10. Второй подобный фалар аналогичного размера со сходным изображением лежал между голенью правой ноги и глиняным сосудом, стоящим справа от скелета у костей голени ног. На фаларах в противоположных ракурсах дано изображение сюжета греческого мифа о Беллерофонте – герой на крылатом коне (Пегасе) поражает чудовище (Химеру). Последнее имеет туловище и голову льва. Однако передние конечности чудовища очень похожи на лапы птицы или пресмыкающегося, а неестественно длинный хвост расположен змеей между Химерой и Пегасом, который как раз и заканчивается головкой змеи. Герой одет в плащ и показан на изделиях в сходных позах. Изображения на фаларах даны как бы в зеркальном отражении, на правом фаларе участники сражения обращены вправо, а на левом, соответственно, влево. Правая рука поднята над головой и кисти сжаты в кулак. Крылатый конь попирает передними ногами чудовище. Под ногами героев мифа – несколько рядов вытянутых выпуклостей, имитирующих облака или волны. Данные рисунки заключены в круг, обозначенный валиком, украшенным рисунком в виде ромбов, рассечённых пополам вдоль длинной оси. В четырёх местах симметрично эти линии разрываются вдавлениями в виде параллельных штрихов или вдавлений. По краю изделий также идет валик, украшенный у подошвы пунсоном (рис. 6, 6–7; 7; 8).

* * *

Обращаясь к культурно-хронологической характеристике исследованных погребений, нужно отметить, что достаточно многочисленный сопровождающий инвентарь позволяет довольно точно определить их хронологическую позицию. Сопутствующие вещи говорят о некоторой асинхронности рассматриваемых памятников.

К более раннему времени относится погребальный комплекс из Донгулюка. В частности, кинжал оттуда может быть отнесен к отделу II южноуральских клинков – с серповидным навершием и брусковидным перекрестием, известных на исследуемой территории с III в. до н.э.¹² Полагают, что формирование мечей данного типа происходит в результате их эволюции из мечей с когтевидным навершием¹³. Но следует обратить внимание на факт распространения с середины IV в. до н.э. у приуральских номадов мечей с прямым брусковидным перекрестием и стержневидным навершием. У многих из них навершие и рукоять рифленые (как и в рассматриваемом случае), что является, скорее всего, результатом навивки проволоки на стержень. Особенно хорошо данная деталь заметна на мечах из погребений 4 и 6 кургана 6 Мечетсайского могильника¹⁴. Необходимо сказать, что наиболее ранние экземпляры мечей и кинжалов со слабо изогнутым брусковидным навершием и узким бабочковидным перекрестием, у которых рукоять обвита золотой проволокой, представлены в кургане Иссык¹⁵, датированного, скорее всего концом V в. до н.э. или же рубежом V–IV вв. до н.э. Так или иначе, иссыкская находка старше южноприуральских дериватов. Исходя из хронологического приоритета иссыкского комплекса, можно предположить, что появление рассматриваемого типа прохो-

¹² Гуцалов 2007, 14, рис. 1.

¹³ Гаврилюк, Таиров 1993.

¹⁴ Смирнов 1975, рис. 41, 7, 9.

¹⁵ Акишев 1978, рис. 23, 34.

Рис. 7. Могильник Володарка I, курган 4.
Правый фалар

Рис. 8. Могильник Володарка I, курган 4.
Левый фалар

ровского клинкового оружия было стимулировано центральноазиатским культурным влиянием.

Длинный меч из изучаемого погребения относится к широко распространенному среди кочевников Южного Приуралья типу клинкового оружия VII отдела, характеризующемуся отсутствием металлического навершия¹⁶. Мечи данного отдела получают широкое распространение в восточноевропейских степях лишь со II в. до н.э.¹⁷ А.С. Скрипкин считает, что в сформировавшемся виде такие мечи появляются уже в IV–III вв. до н.э.¹⁸ А.Д. Таиров, в принципе, солидаризируясь с А.С. Скрипкиным по данному вопросу, относит появление мечей этого типа к IV в. до н.э.¹⁹ Вполне вероятно, что в пользу столь раннего распространения мечей представленной формы свидетельствует находка из подбойного погребения 2 кургана № 23 могильника Покровка 2, относящегося к IV в. до н.э.²⁰ Мечи этого типа были широко распространены на территории Средней Азии и Южной Сибири в конце I тыс. до н.э.²¹, но истоки их происхождения уводят в глубь Центральной Азии. Так, В.Н. Васильев справедливо видит более ранние аналоги этим мечам на территории Китая и относит их к подлинно китайскому оружию²². Аналогичный двуручный меч был обнаружен и в погребении 2 кургана № 4 могильника Володарка II, о чем будет сказано ниже. Ко всему сказанному следует добавить, что мечи и кинжалы рассматриваемых типов в сочетании друг с другом в ареале прохоровской культуры получают широкое распространение во II–I вв. до н.э. Однако, этой дате противоречат другие находки, сделанные в могиле.

В частности, большие круглые бусы, в том числе с рифленой поверхностью, характерны для погребений III в. до н.э. Так, например, аналогичные бусы найдены в захоронениях этого времени могильников Покровка 1 (курган 13)²³, Журавлиха²⁴, Ново-Калкашево

¹⁶ Гуцалов 2007, 15, рис. 1.

¹⁷ Хазанов 1971, 20.

¹⁸ Скрипкин 1990, 128.

¹⁹ Виноградов, Таиров 1996, 174.

²⁰ Яблонский и др. 1994, рис. 88, 14.

²¹ Хазанов 1971, 19.

²² Васильев 2005, 100.

²³ Яблонский и др. 1995, рис. 41, 8.

²⁴ Кузнецов, Мышкин 2003, рис. 3, 12; 4, 12, 13; 6, 12.

(курган 2)²⁵ и др. Другой чертой, свойственной кочевникам Восточной Европы III в. до н.э., является распространение в их захоронениях наряду с железными бронзовых наконечников стрел²⁶, причем, в ограниченном количестве – обычно до 10 экземпляров. Еще одна особенность использования бронзовых наконечников стрел в III в. до н.э. – это то, что среди них преобладают экземпляры с внутренней втулкой. Как раз эту ситуацию мы наблюдаем в рассматриваемом кургане.

Достаточно сложно определить хронологическую позицию поясных ажурных плакеток. В степях Восточной Европы начало их широкого распространения падает на II в. до н.э.²⁷ или, может быть, на рубеж III–II вв. до н.э.²⁸ М.А. Дэвлет, специально занимавшаяся этой категорией инвентаря, выделяет в ней следующие иконографические схемы: противостоящие животные; борющиеся животные; рогатый дракон, у которого туловище закручено вокруг головы; голова животного²⁹. Время распространения этих предметов на территории Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии она, в целом, определяет в рамках II вв. до н.э. – I в. н.э.³⁰, указывая на центральноазиатское направление происхождения этих предметов. При этом ни одна из пряжек, представленная в каталоге, не имеет близких аналогий с рассматриваемыми экземплярами. Возможно, что наиболее близка по стилю и технике изготовления пряжка из Ордоса³¹, хотя стоит признать оригинальность и уникальность находок из Донгулюка. Показательно, что в провинции Нинся ажурные плакетки известны в погребениях сюнну у деревни Даодуньцзы, датировемых V–III вв. до н.э.³² Подобные им обнаружены и в синхронных погребальных комплексах Ордоса³³, в том числе в могильнике Маоцингоу³⁴.

В результате на основании всех вышеприведенных аналогий погребальный комплекс из Донгулюка следует датировать в пределах III–II вв. до н.э., скорее всего, рубежом этих столетий. Одновременно следует констатировать центральноазиатские истоки как пряжек, так и многих вещей, встреченных в исследуемом погребении.

Захоронение из кургана 4 могильника у с. Володарка совершено чуть позднее. Сопровождающий инвентарь представлен бронзовым зеркалом с ручкой-штырем, серебряным многовитковым браслетом, круглодонным сосудом шаровидной формы, серебряными фаларами, железными черешковыми наконечниками стрел, клинками с серповидным навершием и без него. В целом, заупокойный инвентарь, на основании многочисленных аналогий, позволяет уверенно относить погребение ко II–I вв. до н.э.³⁵

Целый ряд предметов погребения из Володарки является если не уникальными, то оригинальными. Помимо уже известных в специальной литературе фаларов с изображением мифа о Беллерофонте³⁶ обращает на себя внимание в плане исторических параллелей длинный меч, концы перекрестья которого обращены в сторону навершия (рис. 6, 8). Столь длинная рукоять с перехватом посередине, говорит о принадлежности меча, скорее всего, к аксессуарам пехотинца, чем всадника. Как говорилось выше, есть основания полагать, что эти мечи – китайского происхождения. Двуручный пехотный меч явно не приспособлен для использования в конном сражении, хотя, судя по находкам фаларов, погребение всадническое. В Китае эти мечи получают распространение в конце эпохи Чжаньго (V–III вв. до н.э.) – эпоху Хань, преимущественно во II–I вв. до н.э.³⁷ Другой меч с тер-

²⁵ Акбулатов 1998, рис. 9, 10.

²⁶ Клепиков, Скрипкин 2002, 67.

²⁷ Клепиков, Скрипкин 2002, 59.

²⁸ Смирнов 1975, 91, 105.

²⁹ Дэвлет 1980, 10.

³⁰ Дэвлет, 16–17.

³¹ Дэвлет 1980, рис. 3, 2.

³² У Энь и др. 1990, рис. 10, 6–8.

³³ Ковалев 1998, 76, рис. 1, 2, 18, 20.

³⁴ Maoqinggou 1992, Abb. 39, 4, 8, 15.

³⁵ См.: Скрипкин 1980, 273–275; 1990; 2003, 289–294; Очир-Горяева, Лапа 2002, 200–205.

³⁶ Мордвинова 1996, 148–156.

³⁷ Васильев 2005.

ритории Южного Приуралья с аналогичным перекрестием из погребения 2 кургана № 16 могильника Покровка 2 имеет короткую рукоять³⁸, что позволяет предположить его изготовление на месте по импортным образцам.

Такие признаки погребального ритуала, как впускной характер захоронения в более древний курган, катакомба, прорытая в торце входной ямы, размещение покойника в деревянном гробу и ориентация его головой на юг характерны именно для памятников II–I вв. до н.э.

Между исследуемыми погребальными памятниками много общего, как в сопровождающем инвентаре, так и в погребальном обряде, что позволяет относить их к одному культурно-хронологическому срезу – концу III–II (I) вв. до н.э. С другой стороны, в этих захоронениях имелось значительное количество предметов инвентаря восточноазиатского происхождения.

И в обряде, несмотря на наличие южной ориентировки – ставшей стандартной в погребальном ритуале кочевников Южного Приуралья начиная с IV и по I в. до н.э.³⁹, по принципиальным признакам наблюдается восточный вектор культурной направленности. К такому, в частности, относится расположение на уступах могильной ямы вдоль стен и по дуге в северо-восточном углу шести конских черепов в погребении у Донгулюка. Ближайшие аналоги этому элементу обряда на территории Южной Сибири Н.В. Полосьмак справедливо видит в кургане 1 могильника Сибирка⁴⁰, датируемого V–III вв. до н.э. В указанном захоронении в специально устроенной нише, за головой погребенного, ориентированного головой на СВ, на уступе, полукольцом располагались черепа лошадей, баранов и козлов⁴¹. А.Д. Таиров, посвятив данному элементу погребального ритуала специальную работу, указал на близость его жертвенным местам-отсекам среди памятников «жоргантасского типа» Центрального Казахстана III–I вв. до н.э., связав появление этого культурного признака с миграцией кочевого населения из пределов Северного и Северо-Западного Китая в III в. до н.э. и последовавшей за этим трансформацией кочевой культуры в урало-казахстанских степях⁴².

Показательно, что в волго-уральских степях именно с III в. до н.э. получили распространение могилы с заплечиками-уступами⁴³; катакомбные захоронения с высокой подземной камерой, прорытой в торцевой стенке, как правило, содержавшие деревянные гробы решетчатого типа⁴⁴. Кроме того, примерно в это время в погребениях номадов Восточной Европы проявилась традиция хоронить покойников головой на север⁴⁵.

Исследователи обращают внимание на то, что с III в. до н.э. на территории Южного Приуралья и сопредельных регионов Восточной Европы получают широкое распространение неизвестные ранее различные типы мечей и кинжалов, в том числе и встреченные в изучаемых памятниках, а именно так называемые «сарматские парадные», характерной чертой которых являются овальные утолщения на окончаниях серповидных наконечников, длинные мечи с коротким ромбической формы перекрестием, длинным штырем, на котором оформлялась рукоять и ажурные застёжки⁴⁶. Кроме того, среди новых элементов, привнесенных с востока, А.С. Скрипкин выделяет железные черешковые наконечники стрел, бронзовые котельчики и модели луков, отдельные типы лепной посуды, костяные навершия деревянных гробней и пр.⁴⁷ Полностью соглашаясь с этим автором, хо-

³⁸ Яблонский и др. 1995, 80, 7.

³⁹ Мошкова 1963.

⁴⁰ Полосьмак 1990, 105.

⁴¹ Полосьмак 1990, 105, рис. 3.

⁴² Таиров 2006, 182–194.

⁴³ Смирнов 1975, рис. 19, 5; 23, 4; Кузнецов, Мышкин 2003, рис. 7, 1.

⁴⁴ Смирнов 1975, рис. 26; 44; Железчиков, Кригер 1978, 218–228; Кузнецов, Мышкин 2003, рис. 5, 7; 6, 5; Моргунова, Мещеряков 1999, рис. 1–3, 5–10, 12; Моргунова и др. 2003, рис. 86; 100.

⁴⁵ Сергацков Шинкарь 2003, 165–168.

⁴⁶ Мордвинцева, Шинкарь 1999, 139–142; Скрипкин 2000, 18–30.

⁴⁷ Скрипкин 2000, 18–30.

телось бы подчеркнуть, что данные находки в погребениях кочевников Восточной Европы III–I вв. до н.э. встречаются не разрозненно, а в тесной увязке друг с другом, зачастую сочетаясь с новациями в погребальном обряде, как это мы, в частности, наблюдаем в рассматриваемом комплексе. Кроме того, данные северокитайские элементы культуры характерны в первую очередь для воинских погребений Южного Приуралья, да и степей Восточной Европы в целом. Своеобразными индикаторами этой воинской элиты и были культурные компоненты, привнесенные с востока: в погребальном обряде просторные торцевые катакомбы, деревянные гробы, каменные конструкции внутри могилы, в материальной культуре – «парадные мечи», длинные мечи без навершия с нешироким перекрестьем, ажурные поясные пластины, бронзовые колокольчики и модели луков, костяные навершия гребней и пр. Следует подчеркнуть, что в восточноевропейских степях они встречаются в сочетании друг с другом (обычно 2–3 признака в одном комплексе), подчеркивая общность своего происхождения. Их особенность заключается в том, что они распространяются незаметно, органически укладываясь в общую канву эволюции культуры как в обряде захоронения, так и в элементах вооружения, культа, украшениях и пр.

В этой связи стоит сказать, что погребальные памятники из Володарки и Донгулька недвусмысленно указывают на то, где расположен один из основных источников трансформации культуры южноуральских кочевников рассматриваемого времени, а именно – на центральноазиатский регион.

Литература

- Акбулатов И.М. 1998: Ново-Калкашский II курганный могильник на р. Стерля // УАВ. 1, 121–137.
- Акишев К.А. 1978: Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М.
- Васильев В.Н. 2005: Об одном редком типе мечей Южного Приуралья и Юго-Западного Приуралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Актобе. 2, 98–100.
- Виноградов Н.Б., Таиров А.Д. 1996: Сарматские погребения могильника Солнце III // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 164–177.
- Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. 1993: Эволюция некоторых форм савромато-сарматских мечей // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 73–88.
- Гуцалов С.Ю. 2007: Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров (ред.). Челябинск, 11–15.
- Дэвлет М.А. 1980: Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. // САИ. Вып. Д 4-7. М.
- Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. 1978: Катакомбные захоронения Уральской области // СА. 4, 218–228.
- Клетиков В.М., Скрипкин А.С. 2002: Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // НАВ. 5, 47–81.
- Ковалев А.А. 1998: О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 75–82.
- Кузнецов П.Ф., Мышкин В.Н. 2003: Исследование могильника Журавлиха I // НАВ. 6, 142–164.
- Кушаев Г.А. 1978: Научный отчет об итогах археологических раскопок в Уральской области в 1977 году. Уральск.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халютин М.В., Хохлова О.С. 2003: Шумаевские курганы. Оренбург.
- Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. 1999: «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // АПО. 3, 124–146.
- Мордвинцева В.И. 1996: Фалары с изображением Беллерофонта из сарматского погребения у села Володарка в Западном Казахстане // РА. 4, 148–156.
- Мордвинцева В.И., Шинкарь О.Л. 1999: Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // НАВ. 2, 139–143.

- Мошкова М.Г. 1963: Памятники прохоровской культуры // САИ. Д 1-10. М.
- Очир-Горяева М.А., Лапа Н.Л. 2002: Комплекс сарматского воинского погребения из фондов Калмыцкого республиканского краеведческого музея // ВДИ. 3, 200–205.
- Полосьмак Н. В. 1990: Некоторые аналоги погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 101–107.
- Сергацков И.В., Шинкарь О.Л. 2003: Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. 6, 165–168.
- Скрипкин А.С. 1980: К датировке некоторых типов сарматского оружия // СА. 1, 273–275.
- Скрипкин А.С. 1990: Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
- Скрипкин А.С. 2000: Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. 3, 17–40.
- Скрипкин А.С. 2003: Сарматский погребальный комплекс II–I вв. до н.э. // НАВ. 6, 289–294.
- Смирнов К.Ф. 1975: Сарматы на Илеке. М.
- Таиров А.Д. 2006: Памятники «коргантасского типа»: взгляд со стороны // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2, 182–199.
- У Энъ, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, У Энъ, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн. 1990: Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 88–100.
- Хазанов А.М. 1971: Очерки военного дела сарматов. М.
- Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. 1994: Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. М. 1, 4–60.
- Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. 1995: Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. М. 2, 9–47.
- Maoqinggou. 1992: Ein eisenzeitlichen Greberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) // Kava. Kommission fur allgemeine und vergleichende Archeologie. Mainz am Rhein.

BURIALS FROM WEST KAZAKHSTAN AND THE PROBLEM OF CONNECTIONS OF SOUTHERN URALS NOMADS WITH THE POPULATION OF CENTRAL ASIA

S. Yu. Gutsalov, D. V. Maryskin

The authors publish ancient nomads' burials of the late 3rd – early 2nd and 1st centuries BC from the burial-mounds Dongulyuk and Volodarka in the West Kazakhstan territory. The material of the burials includes the rare finds: phalerae, belt buckles, infantry swords, etc. The burial ritual and material may presumably provide evidence of the migration of the main part of ancient nomads from the territory of North China westwards, to the boundary of the East European steppe and the Southern Urals in particular.